

ПРОВИНЦИАЛ

Зима 2008

№ 3

Газета для литературно ориентированной молодежи г. Абакана и окрестностей

После некоторой паузы вышел 3-й номер нашей газеты. И рад сообщить, она стала чуть-чуть потолще – 12 полос вместо прежних восьми. И хотя это пошло немного в ущерб тиражу, я не огорчен, потому что теперь у нас есть своя регулярная страничка в газете “Хакасия”, где дублируются лучшие материалы из нашего издания, а у “Хакасии” и тираж явно побольше, и читательская аудитория, соответственно шире. К прочему, с этого года на “Радио-Абакан” начинает выходить радиожурнал “Провинциал” (радиожурнал, надо заметить, явление довольно прогрессивное и лично мне еще ни разу не встречавшееся), а там уже авторы в аудиоформате – читают свои произведения, у них берут интервью и, конечно, радио – это звук, а значит много внимания уделяться будет не только качеству текстов, но и звуковому, музыкальному оформлению.

Особо обращаю внимание читателя на то, что в нашей газете появилось две забавных рубрики: “Литературна”, где мы брюзжим на неумелых поэтов, и “Правда-матка от читателя”, где уж и читатели, и поэты-читатели могут оторваться и побрюзжать на нас, редколлегия “Провинциала”. Так что всех милоси прошу к общению.

С уважением, Андрей Белозеров

СТИХОТВОРЕНИЕ ОТ ПРОВИНЦИАЛА

Дверь скрипела обрывком скучливого блюза.
Снег скрипел пенопластом о чем-то своем.
Примеряли деревья гатамовы бусы
Из вздремнуть прикорнувших крикливых ворон.
Кто-то маленький, громкий обкатывал торку.
Мне хотелось бы тоже... Но тетям, увы,
Удовольствие это положено только
В Новогоднюю ночь. Маскарадные швы
Дед Мороз наложил торопливо на город –
Вознеслись до небес ледяные дома,
Серпантин и тирлянды. Предпраздничный голод
Пожирает прохожих и сводит с ума:
Мандарин атакует фруктовый прилавок,
Покупатель на приступ идет к мандарину...
Мандарин исчезает: «Засада! Облава!»
Дед Мороз ухмыляется в вату невинно,
Предлагает подарки по нищенским ценам.
И все кажется новым, а прошлое – лишним.
Новогодние притчи, как жирные цепни,
Оживают внутри, нагло требуя в пищу
Неприменно младенцев, волхвов и Марию...
И звезду непременно – укажет дорогу...
Я хотела бы, чтобы ее подарили.
Вместе с маленьким, добрым и плюшевым Богом...

Татьяна Бутылова

ЗАРИСОВКА ОТ ПРОВИНЦИАЛА

“Как забытый образ читающего в России,
Словосплю. Пыль коррозии горяча,
Как должно быть в стране умирающего метала;
Здесь прохожих мало, их шаги, как всегда, горчат,
А в глазах оскалом изъеденное кресало.”

Дмитрий Шабанов

В НОМЕРЕ:

- Радужная новость
- Наши люди: Полина Кондаурова
- Липкинские впечатления
- Внимание, книга: Сергей Круглов
- Обзор журнала “Абакан” №8
- Знакомьтесь: Женя Рузина
- Леснянский: “Дежурные по стране”
- Литературна: Я вас глумил...
- Отзывы читателей

Радужная новость

• от провинциала •

19 декабря 2007 года в библиотеке «Ровесник» произошло подведение итогов конкурса молодых литераторов «Радуга».

Конкурс этот был организован Союзом писателей и редакцией журнала «Абакан». Принять участие в нём могли все молодые авторы республике не старше 25 лет (жаль, кстати, что такой возрастной ценз, можно было дотянуть до тридцати, а то половина знакомых мне авторов, почувствовала себя безнадежными стариками).

И вот – торжественное событие. Мероприятие в «Ровеснике». Объявление победителей и лауреатов.

Мне представилась возможность побывать в библиотеке «Ровесник». Вот как всё это выглядело. Небольшой зал разделили на две части. В одной части, меньшей, расположилось уважаемое жюри в лице редактора журнала «Абакан» Юрия Кудряшова, зам. председателя СП Ларисы Катаевой, председателя СП Галины Кужаковой и руководителя молодежного литературного объединения Юрия Черчинского. Напротив них поставили много стульев рядами. На стулья посадили победителей и лауреатов (они все вместились в первые два ряда) и зрителей – подневольных школьников.

Началась торжественная часть. Сначала по очереди выступили члены жюри. Потом конкурсантов поздравили бардовской песней. И наконец – их объявили.

Победителем в номинации проза стал талантливый прозаик Алексей Леснянский с его новым романом «Дежурные по стране», поэзию взяла Мария Гюнтер. Поощрительные награды получили за прозу – Пётр Помыткин (известный под псевдонимом Сатори), Екатерина Масалова, Елена Войтеховская; за поэзию – Михаил Евдокимов, Наталья Кокарева, Анастасия Девяткина, Андрей Максимов, Анна Коломиец, Дмитрий Грязнов.

После того как их объявили, победители и лауреаты встали и вышли в ту часть зала, где сидело жюри. На

этой своеобразной сцене стали появляться спонсоры, они поздравляли и дарили всякие приятные призы. После того как юных литераторов наградили, им и зрителям ещё раз спели песню на гитаре. Самым смелым поэтам из числа конкурсантов было предложено почитать стихи. Некоторые авторы стеснялись читать, потому как раньше этого никогда не делали, а некоторые вполне достойно прочитали. С улыбкой скажу, что стихи читали не только виновники торжества. Юрий Черчинский вызвал не участвовавшую в конкурсе меня, и я прочитала два своих опуса. Также разумно не упустила случая Лариса Катаева: она прочитала чудесное, сильное стихотворение рано ушедшего из жизни, известного в Хакасии поэта Анатолия Кыштымова.

Мероприятие освещалось телевидением и газетами.

В целом мероприятие прошло мило. Вот только кому юные дарования и Лариса Катаева читали стихи? Скорее всего самим себе и другим юным дарованиям. Потому как подавляющему большинству людей, присутствовавшему в зале, это было неинтересно. Подавляющее большинство – насильно приведённые школьники – изнывало от духоты и скуки и ждало, чтобы всё побыстрее закончилось. Мне было их очень жалко. И вот у меня вопрос: может быть не надо насильно тащить на такие профессиональные праздники ни в чём неповинных людей? Ведь писатели и так приглашаются в школы на уроки региональной литературы, общаются с детьми, дети им вопросы задают. А тут никакого общения не происходило. Дети были сами по себе, литераторы сами по себе. Так может быть, действительно, лучше звать на подобные мероприятия не 2 класса старшеклассников, а тех, кого действительно интересует молодая литература Хакасии и вообще литературная жизнь нашей республики?

Анна Гуркова

Полина

Кондаурова

Год рождения 1981. Живет в Абакане. Окончила 4 курса по специальности филолог русского языка. Сейчас учится в литературном институте на заочном отделении, семинар поэзии. Автор сборника стихов "Прилюдье". Публиковалась в "Абакане литературном", в ряде интернет-журналов.

генератор вопросов

1. Как вы представляете себе брак между творческими людьми?

Я себе его не представляю. Я, собственно, в нем пребываю. Ничего, довольно приятно. Вместо споров о том, кто моет посуду, преобладают споры о том, кто займет на ночь кухню, выяснения отношений крутятся в сфере «давай разберемся, кто из нас гений, а кто графоман недоделанный». Из минусов: приходится переживать творческие кризисы и творческие депрессии в двойном объеме, за себя и вместе с супругом. Из плюсов: всегда есть о чем поговорить, а отношения не покидают нотка романтики.

2. Были ли опыты написания прозы?

Были, конечно, в самой ранней юности. Настолько неудачные, что с тех пор отношусь к прозаикам с благовоительным уважением, вижу в них подвижников и людей, способных на подвиг. Самой пробовать писать прозу с тех пор даже в голову не приходит. Уверена, что стихи и проза «делаются» совершенно по разному и служат разным целям, требуют разного дара, поэтому, когда при мне произносят слово «писатель», которым принято обозначать всех пишущих людей, я не сразу понимаю, что имеют в виду меня.

3. Как вам удается совмещать творчество и быт?

Не думала об этом. Честно. То ли быт мой настолько немудреный, что не претендует на время и силы, отданные творчеству, то ли «творчество» (неприятное, однако, какое слово) мое невелико, чтобы стесняться бытом. Вернее всего и то, и другое. Удобно. Но немного обидно. Принято, чтобы поэты страдали от быта, чтобы их душил быт, чтобы они бежали от быта. Невольно начнешь задумываться: «да, полно, поэт ли я вообще?!».

далее

Утро субботы.

Хлам разобрать бы надо...
Письма прадеда деду из Сталинграда...
Билеты в театр столетние,
Ну ка... Шекспир – «Отелло»...
Альбом «Сальвадор Дали»...

А жизнь не стоит на месте,
Меняется то и дело:
Солнце и Май помирились
и снова вместе
На ТНТ, и третья «Обитель зла», говорят,
превозмогла вторую
По спецэффектам. Я барахло прессую.
Муж мой кричит из зала,
что в новом квесте
Взял, наконец, Берлин...

Если б нарисовать,
Нарисовала бы так:
Во-первых, дом.
Двухэтажный, кирпичный,
С лестницами деревянными.
И чердак
Обязательно.
А ключ от него
Я бы нарисовала в кармане мужского
драпового пальто,
На вешалке в коридоре в квартире
направо на втором этаже.

А воздух в комнате этой квартиры
я бы нарисовала свежей,
Чем в кухне, где курят четверо
Или пять,
Где ждут кого-то еще,
Кого-то необходимого,
Без кого – не все.
В окрестностях дома
я бы нарисовала непроходимый
Парк, и еще один,
в котором есть карусель
И паровозики, и шахматный павильон.
Еще... реку в непроходимом парке.
И остановку, с которой днем
И ночью можно доехать до самого дома
самых близких друзей.
Рельсы. И поезд, и стук, и гудок его,
В общем, со всей атрибутикой.

Над головой
Я бы нарисовала, помимо неба,
оранжевые фонари.
И еще, молодого поэта в окне напротив,
Розового от зари.

Я бы стерла самой жесткой резинкой
Въевшуюся шпану
в подъездах и во дворах.
Бухого быка, который лезет снимать
тебя, а ты вспоминаешь стихи.
Сутенеров и шлюх,
Ментов и тревожный страх,
И баллончик газовой
из дрожащей твоей руки.
Я бы стерла презервативы с газонов
И блевотину с пустырей,
Грязь от ног на скамейке,
Дерьмо изо всех углов,
Я бы стерла замки и гвозди
С самых нужных дверей.
И могилы бы стерла,
Которые рисовал не Бог.

Как сочетаются время в пути
и тоска по дому.

Эти почти
с рожденья штампующие колеса:
«Отказать», «Отказать», «Отказать»,
«Переслать другому».

Абакан – «Отказать»,
Москва – «Отказать»,
«Снять вопрос»

О моем проживаньи у самого синего моря.
Сквозняк,
Как домашний котенок, запутался в шторе.

И колеса бранятся размеренно и
знакомо,

Как соседи.
Какого еще уюта
Мне искать,
если я любую
Плацкартную полку
обживаю в одну минуту?
Если самую-самую вечную вечность
людскую
Составляют все те же два метра
на семьдесят пять...

Мы в театр не пойдем потому,
Что устал ты на работе как вол,
И домой с работы ты как в тюрьму
Возвращаешься, а завтра футбол.

И трагический укор промолчал,
Я скажу: «Так значит мама права...».
Побелеешь ты от злости, крича
Мне про маму растакие слова.

Тут уж можно бить фарфоровый хлам,
Можно рвать рукой у горла халат,
Можно в ванной запереться и там
Брякать шкафчиком, где бритвы лежат.

Утомившись, соберу сор в совок.
Ты прикрутишь вновь к двери шпингалет.
Брошу холодно: «Обет на столе.
И прочисть ты наконец водосток!».

Позже, вечером, сварю постный суп
И усядусь посмотреть сериал.
Ты, заискивая, спросишь, в чем суть,
Кто здесь главного героя сыграл.

А когда наступит время «Вестей»,
Несмотря на то, что дело ко сну,
Я с тобою поругаю блядей,
И с тобою побоюсь за страну.

Ночью в темной духоте одеял
Так усердно меня станешь ласкать,
Словно ты меня во мне потерял,
Но надеешься еще отыскать...

Вольно же вам, о поэты,
хулить моего Одиссея!
Мол, побеждал он в боях всегда не мечом,
а подвохом,
Хитростью ловкой всегда,
а не силой могучею мускул.

Нечего вам возражать,
и все-таки вам возражу я:
В ком из ваших героев силы поэта достало
Женщину не обмануть? Кто из них,
может быть, Гектор?

Честен он был,
жену врагам оставляя и сына?

Или Эней,
сбежавший к призрачным царствам,
Бросив Дидону,
чью принял любовь не колеблясь?

Или другие:
Ясон, любивший Медею до срока,
Тесей, вот уж силач был –
руками убил Минотавра!

Отдал он Вакху без боя свою Ариадну!
В чем же теперь, укажите, схитрил,
где солгал Одиссеей мой,
«Лгун и хитрец», когда он,
обещав мне вернуться – вернулся...

Дерево

Другого мира сумрачный росток...
И старый дед, опёнками поросший,
Учил меня: где солнце - там восток,
Где солнце - там восток, чего же больше?

Я не цвела, не принесла плода,
Не стала домом, дом не обогрела...
Но солнце было там же, где всегда.
И человек в одной рубахе белой,

Крестильной, отыскал меня в лесу,
Сказал, что только я его снесу.

Этот степной народ,
свою гору назвавший «Ленин»,
Уже резал таких, как мы,
когда ты раздвигал колени
Мне впервые на улице Ленина
в городе «Красном»,
И многие выли в предчувствии смерти,
а я безгласно

Шла к новой жизни,
клявшея быть прекрасной.

Город «Медвежья кровь»
нам не грозил расправой,
Язык коренной погибал здесь,
и мы по праву
Здесь оседали и покрывались славой.
Из дома, где ЗАГС,
брали парней на погранзаставы.
Я твою левую руку крепко держала
правой.

Вот – аритмичное сердце
слишком большой державы.
Здесь для меня – остановка,
а для тебя – становление.

«Здесь тупиком кончается дорога.»
А чем еще кончатся ей, скажи?
Идем не потому, что верим в Бога.
Живем не потому, что верим в Бога.
Скажи, ну сколько ей еще кружить?

На вечной дыбе из противоречий,
Под окнами случайных глаз
Боль резче. И чужие плечи
Недолго принимали нас.

Здесь никогда не кончится дорога.
«Иди, иди...», – сказал еврей Христу.
Бог разобиделся...

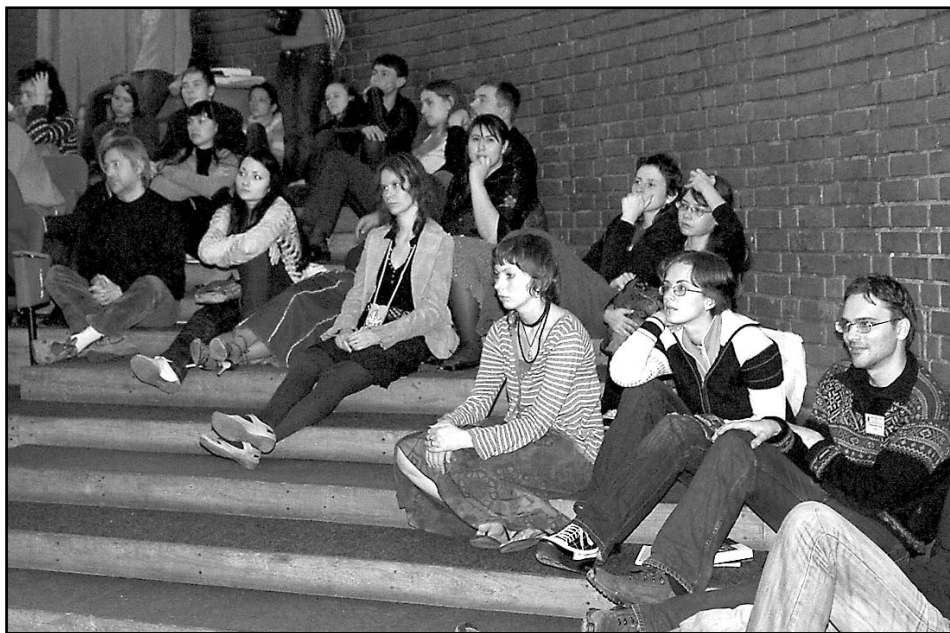
Но ты не веришь в Бога...
Иди, иди. Ведь мы не верим в Бога.
Нас много: по осине на версту.

Ты ловко сныкалась, как будто нет тебя...
За стёб неостроумный, и за лепет
Свой инфантильный, и за мусть
Псевдодокосмическую ты
Не спрячешься.

Лирической книжкой, где виньетка
Имеет больше смысла, чем слова,
Ты не откупишься.
Ни новою уловкой,
Ни матом пошло-дерзким, ни игрой
Словесной, опостылевшей, убогой,
Не отвлечешь меня, усталую и злую.
Я все, что знаю – знаю от тебя:
Как любят, как страдают, что есть Зло,
А что – Добро, что – Красота, что – Бог,
Где – Дом, где – Родина (которая мертва,
О чем эвфемистично ты смолчала...
Но и твоё молчанье таково,
что все понятно...)

Все, буквально все.
Ну взять хотя бы розы – у тебя
Я их нашла и полюбила их...
Потом, как ты велела – разлюбила:
Тебе их надоело рифмовать...
Благодаря тебе я – флизурука:
Не видеть ты учила – прозревать.
Я не сумела сохранить семью:
Ты мало говорила мне о быте.
Я не сумела завести друзей,
Ведь ты учила – друг всегда один,
И обращаются к нему лишь перед смертью
Или из ссылки... Где ты?
Как теперь
Ты смеешь встать передо мною в позу?
Сказать, что ничего мне не должна?
Ты мне должна! И я тебя достану.
Как водится у русских – из любви.

Впечатления о VII форуме молодых писателей в Липках

Второй год я катаюсь в подмосковные Липки. Там проходят форумы молодых писателей. Дело это простое: посылаешь тексты с анкетой на адрес Филатовского фонда, дублируешь послание свое по электронке и ждешь вызова. Как правило из 800-1000 пришедших рукописей выбирают где-то полторы сотни, авторы которых и получают вызов. Также, что немаловажно, фонд высылает на адрес регионального правительства ходатайство по оплате проезда форумиста за подписью какого-нибудь серьезного чиновника от культуры. И местные минкульты, хоть и со скрипом, но обычно денег на дорогу дают.

На нынешнем форуме случилось уже двое абаканцев – я и Алексей Леснянский, что отрадно, ведь, например, из миллионника Новосибирска был только один человек, хотя и хорошенькая поэтесса. Рад я энергии Леснянского и деловую хватку его уважаю, это такой пострел, который везде поспел – он укатил пораньше, получил диплом и часы из рук Путиной, потом сразу на автобус в Липки, между делом попал в лонг-лист “Дебюта”, а по возвращению восвояси взял лауреатство уже в нашем абаканском конкурсе “Радуга”. При этом на писательство у него обычно только ночь остается, потому что днем он ворочает кровавые шкуры на пункте по приему КРС.

– Не интеллигент я, Андрей, не интеллигент, – говорил он, там в пансионате у нас в комнате, опрокинув в себя низкокачественной водки из ближайшего поселкового магазина. Это он насмотрелся на форумчан... А там все больше люди культурные, по два гуманитарных вуза за плечами, муз-худ академии разные, а что постарше – помреды, преподаватели, адвокаты или сетевые админы на худой случай.

– Интеллигенция не институтом благородных девиц меряется, – примерно что-то такое я ему отвечивал, – зато у тебя опыт жизненный есть, от сохи человека видишь, жизнь саму в кулаке держишь, вот придет к тебе мужик шкуру сдавать, а в нем сама жизнь. А что ты напишешь

если в академии варишься среди таких же и по поэтическим вечерам шастаешь? – ну да, я был и сам нетрезв и пафосен.

На этом мы в первую очередь и сошлись, потому что и я вот, хоть и пересел с некоторых пор, как белый человек, в офисок, за Ж/К физию спрятал, но успел побывать в охране на проходной, камень пофрезеровать, бочки помангалить, ну и, само собой, побывал изначально в традиционном для совсем не золотой молодежи конвейере ПТУ-армия, повидал, в общем, кучу людей, которую нынче зарождающийся средний класс, брезгливо зовет быдлом. Кстати, сию в своем офисе с одним хорошим человеком – за что не берется, все у него хорошо выходит: и передачу вести, и рекламку сделать, и статью написать. У него как-то вылетело, в разговоре о ком-то из местного бомонда: “... да не служил он в армии, где вы видели творческого человека, чтоб в армии служил...” Правда тут же осекся, на меня поглядел, вспомнил...

Ну вот и Леснянский служил. Артиллерист.

“Злых людей не бывает” – говорит с типичной своей жизнеутверждающей улыбкой Леснянский.

“Ну уж”.

“Неет, Андрей. Ко мне на пункт и бомжи приходят – на шумрядк просят, и сидевшие приходят, очень жесткие люди, и все ведь добрые, Андрей. И я со всеми язык нахожу, потому что абсолютно злых нет!”

А уж в Липках народ и вовсе незлобивый: ни одной потасовки за неделю не произошло, хотя попойки были ладные. Прямо золотой век. Вот пример: ляпнул я что-то гаденькое об одной поэтессе и об ее образе жизни. А рядом ее знакомый сидел, услышал. И ведь мог бы посмеяться со мной за спиной у той поэтессы или кулаками поразмахивать, раз уж он ее так любит, а он ко мне наклонился и: “Знаете, раньше за такое на дуэль вызывали”.

Тыфу ты, и смешно вроде с высоты низжайшей нашего века гляючи – заигрался человек в благородных разных принцев, – но как вспомню этот случай, так стыдно становится. Видно тоскует безродная душонка по такому вот благородству...

Ну и о самих Липках. Обычно писатели, когда делятся впечатлением о форуме, первым делом говорят о кормежке. Действительно, пансионат, шведские столы многометровые, идешь с подносом и гребешь, гребешь, всего много вкусного и разного: тефтели, рыба в кляре, чахохбили. Однако, не все так просто, калории эти не хило сгораются – каждый день по несколько встреч с режиссерами, писателями, космонавтами даже – приезжал например опальный журналист Киселев, академик Скрябин, который кормит нас модифицированной картохой, ну и без вездесущего шоумена Швыдкого конечно не обошлось. Прорыду ни минуты – следом семинары, обсуждение своих произведений. График жесткий, на семинаре надо обсудить по пять-шесть авторов в день, а у каждого или цикл рассказов или повесть, или, не дай Бог, роман, как у Леснянского вот. И всех надо прочитать, проанализировать.

Ну и небольшое интервью с ним (кстати, в этом номере, чуть ниже, опубликован отрывок из романа Леснянского “Дежурные по стране”, с которым он и попал в Липки):

– Как тебе атмосфера липок? Семинары, писатели, нас с тобой неделю окружали не самые глупые люди со всей России, расскажи свои впечатления об этих людях – общие и о ком то конкретном.

– В “Липках” мне понравилось абсолютно всё, кроме меня самого. Я для таких форумов человек неподходящий. У меня сложилось впечатление, что мне в мягкой и корректной форме вменили в обязанность вести разговоры о литературе. Я люблю читать, но обсуждать прочитанное люблю лишь иногда, и это “иногда”, к сожалению, не пришлось на неделю в “Липках”. Я хотел говорить, например, о политике, но беседы о ней подавляющее большинство молодых писателей раздражали. Ещё больше, чем говорить о политике, я хотел петь. Я хотел перепеть все песни; у меня даже появилось ощущение, что в том случае, если я их не перепою, то русские народные умрут от невостребованности; особенно жаль было “красный” репертуар. Тесно и душно было мне – а всё потому, что вокруг

Евгений Киселев на встрече с молодыми писателями

меня находились такие хорошие, умные и интеллигентные люди (или же люди, превосходно в таковых игравшие), что даже подражаться было не с кем. Понравились мне три писателя. Как люди понравились. Как прозаики – частично. Перечислим по фамилии: Чередниченко, Бондаренко и Фролов. Чередниченко – мой земляк, он ходил со мной по одним улицам. Бондаренко – мой земляк плюс “слабый мальчик, как ты, да я, да целый свет”. От иконописца Фролова за версту несёт “православием, самодержавием и народностью” и допетровской Русью, а славянофил Леснянский на такие вещи падок.

– Ну вот, кукушка хвалит петуха получается, вогнал меня в краску. Хорошо, что тебе дали семинары, научился ли ты там чему-нибудь, давались ли какие-то полезные конкретные советы?

– На семинарах редакторы нас и хвалили и ругали. При этом хвалили часто из-за нежелания обидеть, а ругали (низкий им поклон!) – за дело, выворачивая наизнанку каждый недостаток и подробно его разбирая. Меня растоптали. Здесь вверх художественные подробности. Редактор “Нового Мира”, господин Киреев, взял тесак, вонзил его в мой роман и медленно-медленно начал вываливать кишки-недочёты наружу. Вывалив вон, он копался во всём этом зловонном ливере до тех пор, пока меня не стошнило от собственной прозы. Поделом. Поэт Пуханов однажды сказал: “Литература – не хоспис, не собес, не Олимпиада для инвалидов. Это серьёзно, как оборонка”. Присоединяюсь. Нечего с нами канителиться. Теперь буду хвастать. Полтора-два часа позор в отличие от всех остальных ребят из моего семинара снёс достойно. С улыбкой снёс, как и подобает сибиряку. Пожелание Киреева перейти на сатирическую прозу воспринял как руководство к действию.

– И что? Совсем не скучаешь по тем людям? Хочешь в следующем году повторить поездку?

– Врать не буду – особо по тем людям не скучаю. Несмотря на то, что на форуме мне не понравилось, поездку я обязательно повторю, чтобы мне не понравилось в “Липках” ещё раз.

– Хм, а кто тебе совсем не понравился?

– Я.

– Можешь ли ты отметить разницу тематическую и идейную между писателями предралья и зауралья?

– Никакой разницы. Пока все одинаково тематически и идейно плохи, но переживаю больше за тех, кто живёт по главную сторону от Урала. Какая сторона главная – решает каждый в отдельности. Я для себя уже давно определился.

– Ну и заключительный: благо или вред для молодого писателя такие тусовки?

– Благовест, то есть, простите, благовред.

Вот такое сумбурное интервью, и уж не знаю, лукавит Леснянский или просто непосредователен в своих мыслях, говоря в начале, что ему понравилось абсолютно все, а в конце говоря обратное, видно это полифоничность русской души, воспетая Достоевским, так в нем проявляется.

Да, был нынче в Липках Сергей Чередниченко, упомянутый Леснянским, выходец из Кызыла, долго живший в Абакане, “рашин райтер” – как он назвался у себя на сайте, при чем довольно заметно стартовавший там, в Москве, с повестью “Потусторонники”. Рашин райтер, вообще, и по совместительству – ближайший мой друг. Правда, был он уже не как прозаик, а как критик, а у них свой мастер-класс и даже журнал свой. К сожалению встречаемся мы теперь раз или два в год – и вот Липки стали одним из немногочисленных мест наших встреч.

Теперь его впечатления о Липках:

– В своем выступлении на открытии VII Форума молодых писателей России я сказал о том, что был ажиотаж вокруг форума утих, и пришло время просто жизни и работы. Таким было мое внутреннее ощущение, и, как оказалось, я в нем не ошибся.

Это был мой третий Форум, и в этот раз я участвовал в семинаре критики, который вели Игорь Шайтанов, Евгений Ермолин и Жанна Голенко. Критики это разные и по своим общественным взглядам, и по системе литературных координат; иной раз забавно было видеть, как один возводит глаза к небу, когда другой уже в зный раз повторяет слово «экзистенциальный». Но вообще разговор шел очень серьезный и продуктивный. Говорили в основном о современной

Леснянский в Липкинском баре

поэзии, называли имена, выбирали ориентиры, долго спорили о критериях оценки стихотворения – на этот спор нас вывел участник семинара Александр Житенёв, кандидат филологических наук из Воронежа. Приятно было общаться не только на филологическом языке, но и слушать самих поэтов, которым выпала нелегкая участь быть и объектами и субъектами критики, – Алену Каримову, Елену Погорелую, Дмитрия Румянцева, Анатолия Ухандеева.

Когда возвращаешься из Липок обратно в Москву, спускаешься в метро, прощаешься на станции «Комсомольской» с товарищами, которым еще ехать на поезде домой, то возникает болезненное ощущение обостренной реалистичности и нормальности происходящего. Потому что «Липки» это... нет, не праздник, ведь для кого-то эти шесть дней Форума запомнятся несбывшимися надеждами, провалом... Липки это другой мир, и мир, пожалуй, более настоящий, чем метро, поезд домой, повседневная жизнь. Когда видишь медленные толпы людей, скопившиеся у эскалатора, то не слишком веришь, что те восемь-четырнадцать строчек на бумаге, в которые еще вчера вчитывались, о которых спорили, теперь, в этой толпе, что-то значат. И, в конце концов, не веришь в слово, в себя, в Россию. Это неправильно, так не должно быть.

И в такие моменты неправильного отчаянья, я вспоминаю бодрость моих товарищей, с которыми в течение пяти дней сидели в кругу и вели разговор в том, настоящем, липкинском, мире. Я вспоминаю, как Алексей Леснянский, жестко раскритикованный руководителем своего семинара Русланом Киреевым, повторял весь вечер, что нужно написать новый роман, нужно «по-настоящему ударить». С Алексеем мы пять лет, пока я жил в Абакане, ходили по одним улицам, но познакомились только там, в подмосковном пансионате. И я думаю, что он напишет новый роман.

Здесь, в повседневной жизни у каждого из нас есть опасность потерять себя среди однообразных людей в толпе. Почти неразличимые, они стремятся сделать и нас однообразной частицей своей массы, но я вспоминаю ту спокойную серьезность, с которой мы на семинаре говорили о вещах в общем-то неизъяснимых, почти несуществующих, внимательные молодые лица, блокноты на коленях. Все это хочется повторить, встретится снова, воплотить неродившиеся еще смыслы, определиться,

слева направо – Артем Морс, Булат Надыров и Андрей Белозеров

Чередниченко на открытии

наконец, с критериями – до первого стихотворения, которое снова поставит их под сомнение.

...По итогам Форума полагается называть новые имена, делать открытия. Что же? Для меня открытием не только Форума, но и вообще 2007 года стала поэзия Алены Каримовой и Артема Морса. Другим открытием Форума семинар критики дружно признал ярославского поэта Алексея Бокарева. Пока случаются такие открытия, должен существовать и сам Форум молодых писателей в Липках.

И по стихотворению от каждого упомянутого «открытия». Обратите внимание на географический разброс авторов.

Алексей Бокарев, г. Ярославль

Смерть написана повсюду:
пальцем потным на стекле,
трещинками на посуде,
тонким ногтем на скуле.

На упругих юбок складках,
на червонцах и рублях;
в ученических тетрадках
красным цветом на полях.

В черных лужах рябью зыбкой...
И возможно лишь одно –
прочитать ее с улыбкой:
все, мол, так, как быть должно.

Навсегда запомнить почерк,
содержанье затвердить –
после трех финальных точек
тоже, в общем, можно жить.

Слезы подавить в гортани,
видя, как несут с крыльца
пышно убранный цветами
некрасивый труп отца.

Алена Каримова, г. Казань

Беспородная сука завывала
в потемках волчицей...
ей-то что за беда,
что за стенкой в четвертом подъезде
все слабеет дыханье
и скоро совсем истончится
в перетопленной комнате,
в дикой дали от созвездий.

Он шутил неизменно,
высокий, худой и сутулый,

я не знаю, читал он Акунина
или Толстого,
но соседям для свадеб и поминок
одалживал стулья,
вообще улыбался
и вел себя проще простого...

А последнюю осень
с трудом доходил до базара,
и ни с кем не калякал
о ценах картошки и чая,
и о нем, озабочаясь,
соседка Наташа сказала,
что квартира уйдет государству,
и это печально...

Небу все здесь мало –
переулок, фонарь и аптека –
где ему поместиться,
какие наполнить предметы?..
Замолчи. Замолчи,
перепуганный друг человека,
человек – это больше,
чем тело, страна и планета.

Артем Морс, г. Иркутск

Фотография
Мне восемь лет, я, кажется, пою,
и старый снимок это отражает.
В дурацком детском галстуке стою
на дне рожденья друга, он не знает,
и я не знаю, как мы будем жить,
чего искать, с кем расставаться,
о чем мечтать, кого любить,
в какой толпе теряться.
Второго января у елки мы поем,
девятиметный Рома на баяне,
играет песню, кажется, о том,
не вспомню даже, что-то там играет.
А мы поем, мне восемь лет, и все,
все хорошо, на улице темнеет,
зима, гирлянда светится огнем,
и мы поем кто как умеет.

Вот такие впечатления. И на этом собственно все. От себя могу добавить, что Липки, лично для меня в первую очередь, – это место встречи с людьми, как Морс, которого я знаю еще по абитуре литинститута – только я бросил, а он закончил это заведение; как Чередниченко, потому что жизнь развела, а дружеские отношения остались; как Леснянский, вот уж нелепость – прожить всю жизнь в 3-х кварталах друг от друга, а по настоящему познакомиться за несколько тысяч километров от Абакана; и как многие другие, не упомянутые здесь, но которые тоже: наши люди.

Андрей Белозеров

Внимание: КНИГА

Этот человек, автор, ведет скромную жизнь в Минусинске, однако имя его и его произведения известны читателям и Абакана, и Красноярска, и Москвы. Это Сергей Круглов.

Представляемая мной его книга стихотворений «Зеркальце» (Москва: Агро-Риск, 2007) выпущена в рамках серии «Поэты русской провинции» небезвестного журнала «Воздух». В книжку вошли произведения, написанные в основном в последние два года и, как мне показалось, подобранные так, что образуют цикл.

У Круглова – преимущественно «вольный стих» (верлибр). Размер строки колеблется от странного размаха до фразы из двух-трех слов. Читать такие громоздкие произведения, особенно людям, ранее не знакомым с подобным стилем письма, очень сложно. Тем не менее, автор не гнушается классических ритмов, и ряд очень хороших стихотворений показывает нам это. Вот, например:

В картонной вечности
куранты полночь лупят,
Но, как орех, мышами трачен, год,
И новый, наступая, не наступит,
И старый, умирая, не умрёт.

Другим недостатком автора я считаю частое употребление узкоспециальных слов. В 1999 году Круглов принял сан священника и, будучи знакомым с ним лично, я могу сказать, что он замечательный священник. Но далеко, далеко не каждый читатель может справиться с обилием церковных терминов, используемых Кругловым в произведениях. Мне кажется, что это – чрезмерная усложненность:

Тошную водку продавливал в желудок,
Запеевал, плакал,
неверными руками братался,
Открыл книгу Ктувим: Эйха – зачитывал
Этим людям, о чём плакал Иермиягу...

Однако, выше перечисленное ни чуть не умаляет талант представленного мной автора и ценность его книги. Тематика стихотворений разнообразна: от описания будничного уклада и внутренних душевных испытаний церковной жизни до созерцания настроений окружающего мира («*** (Во второй половине августа юг Сибири...)»), и любви («Клавиши»). Особым циклом в книге складываются несколько стихотворений о Натане. От себя хочу порекомендовать их как наиболее интересные в этом издании. Но это лишь моё мнение.

А вот две выдержки, которые можно считать афоризмами:

Окоём коченеет, околеват
Мусорный пляж, позавчера буйный, рай,
Устроенный Каином
по воспоминаниям Адама,
Но по собственному вкусу.

и
Так глухие учат слепых читать ноты...

По-моему, великолепно. Напоследок замечу, что в феврале в Абакане должна выйти объёмистая книга Сергея Круглова. Естественно, это событие будет широко освещено на страницах данного издания. Желаю автору всяческих успехов.

Книгу читал
Дмитрий Шабанов

Звёзды жадно прильнули губами
к застывшей луне;
Небеса становились бледнее,
отсыревая.
Надвигалась гроза... Душный город
взывал к весне,
И весна оседала на улицах;

Плач трамваев,
Поднимавшийся коброй на рыбий
скелет луны,
И сходявших с ума и с рельсов,
но, разбиваясь,
Всё тянувшихся к небу... Я вижу такие сны!
Записал бы на плёнку и выслал тебе.
Зеваю...

Мне казалось, что лучшая гибель –
уйти в песок,
Чтобы лет через сто прорасти
на обломках Града
Шелестящей травой.

Теперь, беспомощный бог,
Я увидел, как есть,
и не в силах сказать «так надо!»
Став золой изнутри,
я лишился права гореть.
Согреваюсь мыслью о том,
что однажды ночью
Подарю себя ветру. Я помню,
что должен петь,
Но не помню, о чём...
В этот миг, когда ставить точку

Бесполезно, я ставлю три, ибо так верней
Отразить иллюзорность
развязки любой.
Зеваю,
Засыпаю... Боюсь одного:
в этом новом сне
Я увижу луну, и трамвай,
и себя в трамвае!..

Валентин Хрупов

По ночам от меня ускользает речь,
Свой бессмысленный привкус
хранит во рту,
В ножны полости рта заключает меч,
Я без сбоев глотаю слюнную ртуть.
Созерцаю без жажды облечь в слова
Тишину безголовую, что окрест.
Мне достаточно слышать: летит сова,
Мотылек трепыхается, дышит лес.
Я забыла названья, зачем Адам
Торопился дать имя всему, что взял
Даром вечным от Бога векам, годам?
Я смотрела на дерево – он назвал.
Я увидела небо, а он изрек.
Я к земле прикоснулась – он имя дал.
Я следила за устьем змеиных рек,
Он глаза устремлял в голубую даль.
Я учила названья, стараясь стать
Для Адама достойной, и я звала,
И почти научилась все в мире звать,
И почти заменили мой мир слова...
По ночам от меня ускользала речь.
Мир утрачивал имя и был – любовь,
И деревья без зова спешили речь
Свою древнюю песню без слов-слов.
Мир сулил мне безгласость, и я брала
И теряла слова, как набор пустот,
Как змеиную кожу, перо орла.
Только привкус речей сохранял мой рот.
Звезды маялись в небе, как тайна тайн.
Море плавило волны на выдох-вдох.
Одно слово, как мох, обросло гортань,
Так похоже на выдох то слово – Бог.

Татьяна Бутылова

Коричневой кашкой из талого снега
Весна накормила досыта ботинки.
И первая пыль,
теплым солнцем согрета,
Подставила под ноги серую спинку.
Импрессионист поработал над лужей
И создал картину: «Вселенная в цвете».
Фантазии и мастерства тут не нужно,
Накапал бензина – и вечное лето.
Глупейшие крыши, сосулук навесив,
Рыдали и мокли, пугая прохожих.
И выпятив серые горбики лестниц,
Глазели дома, на прохожих похожи.
Сквозь листья и темную сетку прожилок
Зелеными стрелками радость летела.
И в тысячи маленьких остреньких пилкок
Тонкие нитки лучей солнце вдело,
Чтоб сладко пилить по глазам.
Улыбаюсь.
Зимой столько раз о весне говорила,
Ждала, отрекалась, хулила и – каюсь –
В душе ее так, понемножку, любила.

Вера Козина

Тогда мы жили в сказочном лесу,
Земную жизнь пройдя до одуренья,
Очки носили гордо на носу
Не потому, что подкачало зренье –
Мы просто их нашли на чердаке,
Когда искали книжки да игрушки.
Без стёклышек, холодные, в руке
Они дрожали ласково и грустно...

Когда пришли – мы были старики,
Но там мы молодели с каждым годом.
Нас гости посещали и стихи.
Скрипело, как намазанное мёдом,
Крылечко и ворчало что-то вслух,
А то желало доброго здоровья.
К нам Пушкин заходил, как Винни-Пух,
Весь окружён народною любовью,
Тот самый, что зарезал Пятачка
(Но, ах, при чём тут Моцарт и Сальери).
И он смотрел на нас не свысока,
Хотя мы соли, кажется, не ели
С ним вместе ни крупинки, ни пуда.
За ним летали тучи насекомых.
Мы не пускали их, но иногда
Их лица нам казались чуть знакомы.

Он говорил, что пчёлы стали злы,
Живучие и жрут, как тараканы:
Корми теперь... две-три таких пчелы,
Рукой нашаря в каменном кармане,
Он доставал степенно и легко,
Подбрасывал и весело смеялся,
И, глядя со значеньем, глубоко
Вздыхнув, походкой чинной удалялся.

А пчёлы восклицали: «Пушкин, сам!»
И превращались в кружащих на швабрах.
Прелестных толстоватых старых дам,
С улыбками заслуженных завкадров.

«Он совершенство! Как с ним хорошо:
Мазурки, полонезы и кадрили!
Ах, он ушёл. А мы к нему – с душой!
Да мы же с ним почти не говорили.
Сам виноват. Пардон! Какой бедлам!»
А мы им тут же – чаю и варенья.
И дамы благодарны были нам
И посвящали нам стихотворенья.

Когда мы жили там, без новостей
И времени. Когда мы просто жили.
Нам не хотелось убивать гостей
Жужжащих, ведь они и так чужие.

Анна Гуркова

Я молчу. И не знаю, о чём
Рассказать. И над чем
Рассмеяться, плечом
Пробиваясь в толпе, а зачем?
И за кем, когда каждый вопрос
Нависающей кобре подобен...
Я волной чьих-то лунных волос
Здесь укрыт пряной ночью в потопе
Аромата дающего тела. Потом
Будет отмель и страх возвращенья
К берегам, и раздумье – во веки и присно,
Что и я, вероятно, достоин прощенья.
Я кричу. И слепящим лучом
Этот крик разрывает молчанье.
Так-то лучше. Вот выход, грачом
Мне подсказанный на прощанье.
Разуверившись в смысле всех смыслов
И того, что меня совершенней и слыше,
Возлюбив всё земное – во веки и присно,
Я теперь ожидаю цветения вишни.
Философия Духа – быть нищим,
Это тоже есть выход, но лишь
В белый снег, что падёт на Мытищи,
Когда ты ещё в осени спишь...
Мной затверженный город усердно
Полон сна и тоски – и осеннего ветра,
Горизонты миров краем крыш
Обрываются немо и смертно.

Олег Курзаков

Я шла за поездом. В нем люди веселились.
Хмельные женщины, брильянтами бренча,
Смеялись. Звонко так... Бокалы бились.
Хрипели в фраках, пьяно тост крича.

Я шла за поездом. Я видела огни
И тени в окнах, красным бархатом одетых
И танец их к себе меня манил,
Как запечатанность чужих конвертов.

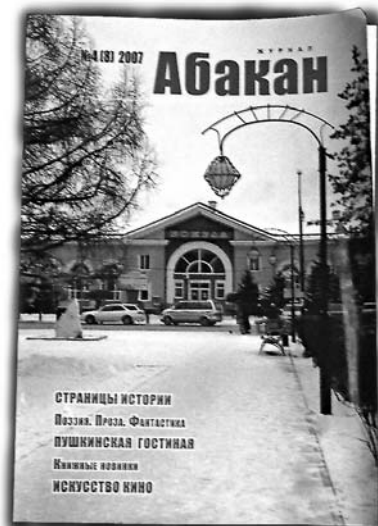
Я шла за поездом. Шла по привычке зла,
Зла на себя и нескончаемость дороги,
И видно у черты уж поняла,
Что не туда мои шагали ноги...

Я шла за поездом... и вот во тьме стою
И судорожно-тщетно вспоминаю
Свою тропу и цель одну – свою.
...а под ногами тихо шпалы тают.

Евгения Рузина

Уходит свет. Закат хрустально вогнут.
В потьмах уютно сглажены углы.
Снаружи глухо закрываются окна.
А в комнате торжественны столы,
Серванты, стулья, шторы, подоконник...
И чёрный кот, как идолопоклонник,
Пред елью опускается челом;
Да что таить, торжественен весь дом.
Пихтовый запах с теплотой купели
Призывно манит в подданные ели.
Лишь вата свержно заменят снег.
Но (Боже!) ты уже не человек,
Ты – раб, прислужник, по веленьям хлётким
Ты водружаешь радужные блёстки,
И без держав, без золотых корон
Ведёшь её величество на трон.
И смотришь вверх с нахоженного места,
И там, как на вершине Эвереста
Огни святого Эльма возжены
Светила, звёзды, слёзы, сказки, сны.
И тихо сходит благодать, она
Роняет сердце в даль забытой песни,
И свет гирлянд становится прелестней
С закрытием последнего окна.

Дмитрий Шабанов

Абакан № 8

люди и спортом здесь занимаются, и за титулы борются, и вообще жизнь кипит.

Далее в "Абакане" помещены два больших материала. Один из них – о настоящем Абакана: про детский дом "Алёнка". Об этом детском доме говорится много всего хорошего. А второй материал – исторический, статья Виктора Иваненко, доцента ХГУ проиллюстрирована фотографиями из фондов Республиканского Краеведческого музея.

Честно говоря, мне понравилась проникаться патриотизмом и другими добрыми чувствами с помощью журнала "Абакан". Я бы и дальше ими прониклась, отражала бы их в моей статье, но, увы, не могу. На пятой странице, буквально в начале журнала, опубликовано стихотворное поздравление с Новым годом. Да... Нет, мы, абаканцы, конечно, переживём, что нас поздравили таким плохим стишком... И предновогоднее настроение он нам не испортил. Многие, наверное, и не заметят, что стихотворение плохое, тем более, что новогодняя тема в нём выдержана. Можно, конечно, обвинить меня в литературном снобизме, можно... Но не в нём дело. Дело в том, что как-то это не солидно для серьёзного городского журнала – ставить чуть ли не на первую страницу произведение, автор которого совсем не дружит со стихотворным размером.

Кстати, а чем литературно настроенный "Абакан" отличается от собственно литературного журнала? Как раз тем, что он в первую очередь журнал городской. То есть он предназначен для всех горожан, а не только для тех, кто интересуется произведениями местных поэтов и прозаиков. Приведу пример: в "Абакан" вполне может принести стихи какой-нибудь читатель. Он вот жил себе, жил, работал, детей-внуков растил, стихи в свободное время для души, для дней рождений-юбилеев писал. Ну, хочется же напечатать! И одно дело в газетке печатать, а другое – в красивом городском журнале, чтобы память была надолго. И ничего что рифмы у него кое-где нет, и ритм иногда хромает – он же не профессиональный поэт, в гении не лезет. В "Сибирских огнях" его стихи бы точно не напечатали. В "Абакане" могут и напечатать. Потому что эти стихотворения, не имея собственно литературной ценности, тем не менее отражают жизнь людей нашего города.

Но "Абакан" публикует всех попеременно: и членов союза писателей, и людей, подобных читателю из моего примера, и

членов литобъединений Хакасии, и молодых писателей, и авторов нашего "Провинциала"... Порою сложно разобраться, где произведения, которым надлежит быть в литературном журнале, а где воплощен приведенный выше пример.

Итак, обратимся к художественным произведениям.

Своеобразным гвоздиком номера является юмористический рассказ Юрия Клёпова "Снегурочка". Работники автобазы привели детей на новогодний утренник. А артисты из Тюза, нанятые организацией, почему-то не приехали. Праздник под угрозой срыва. А дети ждут. Родители тоже ждут. Как выпутается из сложившейся ситуации сообразительное начальство? Это действительно очень смешной рассказ. Он актуален (Новый год всё-таки), написан замечательным языком, читается на одном дыхании, предназначен для самого широкого круга читателей.

Реалистическая проза представлена в "Абакане" тремя рассказами доктора ветеринарных наук Виктора Чумакова. Это рассказы из цикла "Охота пуще неволи", три охотничьих истории, написаны с юмором. В основе их, скорее всего, лежат реальные события. Наверняка найдутся читатели, которых привлекает этот жанр.

Читая фантастические рассказы Марии Мартьяновой, Вячеслава Бабышева, я неоднократно задавалась вопросом: "Зачем люди пишут такие скучные рассказы?" Мне создание подобных произведений кажется "бессмысленным умножением сущностей". Сюжеты рассказов весьма распространены, в фантастической литературе они много раз обыгрывались в разных вариантах. Ничего оригинального авторы не придумали. Как ни странно, многие авторы полагают, что произведения фантастического жанра писать очень легко, легче, чем любые другие. В результате получают средненькие, серенькие, вторичные рассказы. Что ж, может быть, авторам нравится их писать, пусть пишут. Конечно, и у них найдутся читатели. Я как читатель имею право предпочесть им тех же Рая Бредбери, Роберта Шекли...

Впрочем, зря я, наверное, так резко. Автор имеет право создавать тексты ради своего удовольствия. Кроме того, неизвестно, что эти люди напишут в будущем. В "Абакане" есть ещё отрывок из рассказа "Охотник" Екатерины Масаловой. О нём я ничего говорить не буду: отрывок он и есть отрывок. Скажу лишь, что Катя Масалова и Слава Бабышев – члены молодёжного литобъединения "Литос-

фера". Я посещаю его, знаю, как писали ребята раньше, как они пишут сейчас. Они действительно многому научились у Юрия Анатольевича Черчинского, председателя "Литосферы". Их сегодняшние произведения можно расценивать просто как литературные упражнения. Как неплохое литературное упражнение я оценила бы и рассказ Юрия Черчинского младшего, который тоже есть в номере. Он и Катя Масалова пишут в жанре фантазии.

Рассказ Анны Чуруксаевой "Долгая Ночь" мне показался небезынтересным. Он, наверное, понравится женской романтически настроенной половине читателей. Правда читать этот рассказ сложно, он перенасыщен изобразительно-выразительными средствами. Композицию рассказа тоже оценить далеко не все.

Теперь поговорим о стихах. Широкому кругу читателей я бы порекомендовала стихотворные произведения Татьяны Зыковой из с. Шушенское: "Быль про старушку-хромушку, да лесную деревушку", "Небылица". Они добротно написаны, небанальны. Их можно читать детям и взрослым.

Стихи Сергея Макарова не раз публиковались в местной прессе. На этот раз он представил читателям две страницы небольших стихотворений. Среди них есть замечательно остроумные:

Мы – добродетели!

Мы – честные рубахи!

Мы любим всех...

В смиренной рубахе.

Честно говоря, имеются у Сергея Макарова и не очень удачные миниатюры. В нескольких стихотворениях автору не удалось точно, чётко выразить мысль. Несмотря на это, подборка производит хорошее впечатление. Вот ещё одна миниатюра, добрая, ласковая, для детишек:

Посмотрите-ка ребята!

У ручья растут опять

На берёзовом пенёчке,

Словно жёлтые котят,

Спят у солнышка в руке.

Александр Сиволапов, студент ХТИ. Из подборки стихов в "Абакане" можно сделать вывод, что к стихописанию автор относится серьёзно. Многие его стихи, даже если они далеко неидеальны с точки зрения стихосложения, звучат пронзительно, сильно, чувствуется в них живое. У Александра Сиволапова есть свой мир – странный, страшный, жестокий, прекрасный. Но автору очень не хватает мастерства, чтобы высказать этот незаурядный мир так, как он того заслуживает. Много, ну очень много в подборке ляпов и погрешностей. Приведу только два примера откровенно нелепых строк.

Вот что автор пишет о девушке:

Синева глаз покоряет

Рецессивностью своей,

Делать обзор мне интересно вдвойне, потому что я не только отношусь к «литературно ориентированной молодёжи», но и являюсь жительницей города Абакана, причём, не лишённой известного чувства патриотизма.

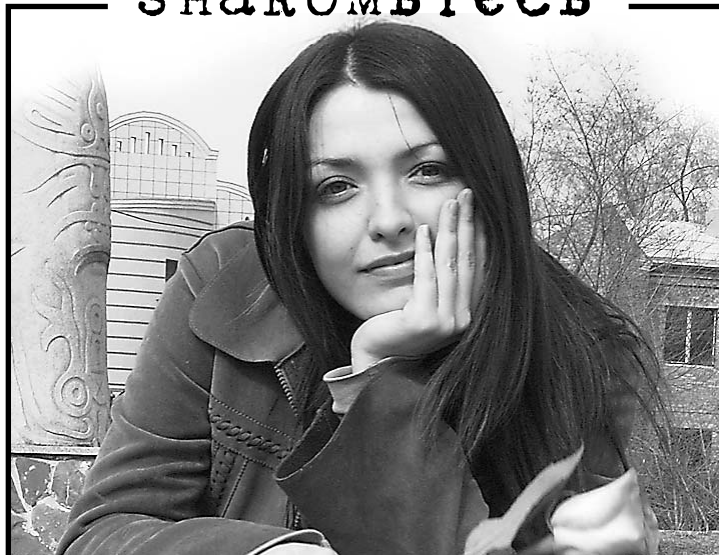
Сразу же отмечу качественное оформление издания. Думаю, абаканцам приятно даже просто подержать в руках такой журнал. Вот и мне приятно. И вдвойне приятно, что для обложки этого номера использована цветная фотография с видом памятного для меня места, родного сердцу – абаканского вокзала. Та небольшая часть издания, которая отведена для материалов о прошлом и настоящем нашего города, снабжена интересными фотографиями и рисунками. В общем, об оформлении журнала можно сказать только хорошее.

Хотела я перейти к содержанию издания, но расчувствовалась, глядя на обложку, и решила сначала ознакомиться с видеоприложением к журналу от телевидения "Абакан". DVD-диск был прикреплён к обложке. Автор этого приложения – Валентина Гурочкина, а само приложение представляет собой небольшой, содержательный фильм о жизни нашего города в праздники и будни, в разные месяцы прошедшего 2007 года. Это памятный подарок абаканцам от журнала к Новому году. Во мне же этот подарок вновь пробудил местечковый патриотизм. Не в дыре какой живу, а в столице республики Хакасия, в маленьком, но уютном городе, который к тому же строится и развивается. Вот.

Описываемый мной номер журнала Абакан действительно последний в 2007-м году, что отразилось и в колонке редактора – Юрия Тимофеевича Кудряшова, который от лица редакции желает нам успехов на нашем поприще, добрых дел и добрых друзей.

На следующем развороте журнала сообщается о соревновании «Звёзды кикбоксинга в Хакасии» за титул чемпионки Европы. Вот у нас ещё что бывает! Не только пьяные драки,

ЗНАКОМЬТЕСЬ

Женя Рузина

*Руки-камни висают
В сером скопище людей.
Или вот про русских людей:
Молитва смелая читается
на каждом.*

Надеюсь, Александр Сиволапов - сильный и самокритичный человек. Думаю, он воспримет мою оценку не как насмешку, а как призыв избавляться от ляпов.

Андрей Переверзев раньше нигде не печатался. Во вступительном слове к его подборке сказано, что стихи этого автора появились "благодаря прекрасным и интересным людям, которые встретились в жизни и продолжают встречаться и по сей день". Читая стихотворения Андрея Переверзева, я воспринимала их как документы, знакомящие меня с неглупым человеком, с его размышлениями, чувствами. Человек этот талантлив. Стихи его кажутся искренними, честными. Автор вызывает симпатию, поэтому очень обидно было прочесть у него, например, вот что:

*И с каждым утром
всё труднее
Сквозь сон продрать
заплевывший глаз.*

*И с грустью вспомнить
прошлый вечер,
И то, чем дорог он для вас.*

Вряд ли автор у нас одиозный. Просто в данном случае он для рифмы пожертвовал смыслом. А первая и третья строка, как видим, вообще не зарифмованы. Находила я и неточности, и просто плохую рифму. Такие недочёты трудно не заметить, они бросаются в глаза, мешают получать удовольствие от чтения.

В рубрике "Проба пера" у нас достойный житель Хакасии Михаил Перевозчиков. Вот что о нём сообщается: "Любит поэзию с детства, но писать не хватало времени. Воспитал четырёх детей. Сейчас на пенсии, но продолжает работать. Первое стихотворение написал на юбилей своей жены. Ранее нигде не печатался". Далее на трёх страницах опубликованы стихи Михаила Перевозчикова. Почти все они посвящения. Адресаты большинства стихов: жена, дочь, Хакасия, Абакан. В общем, пишет автор для души и от души. О литературном мастерстве задумывается не очень, такое, по крайней мере, складывается впечатление.

Также в "Абакане" помещены материалы, касающиеся литературной жизни нашей республики.

В этом номере журнала прошедшему конкурсу "Радуга" уделяется одна страница, названы номинации, объявлены результаты, опубликованы биографии и фото победителей - Алексея Леснянского и Марии Гюнтер. Мне как читателю хотелось по горячим следам познакомиться с произведениями конкурсантов, но их в

журнале нет. Вернее есть только отрывок из рассказа Екатерины Масаловой, которая является одним из лауреатов. И всё. Однако председатель литобъединения "Литосфера" и член редакционной коллегии "Абакана" Юрий Анатольевич Черчинский, объяснил мне, что в этом номере журнала не хватило места, и редколлегия решила: лучше достойно представить творчество молодых победителей и лауреатов в следующем номере. Ну что же, значит будем ждать.

Под рубрикой "Юбилей" поздравляется зам. председателя союза писателей Хакасии Лариса Петровна Катаева. Ей 20 декабря исполнилось 60 лет. В "Абакане" в связи с этим напечатали следующие материалы: статью Галины Григорьевны Кужаковой "Подвижник художественного слова", творческую биографию юбиляра под названием "Основные вехи творческого пути Ларисы Петровны Катаевой", список опубликованных книг автора, стихотворения Ларисы Петровны, иллюстрированные рисунками Геннадия Степанова. Биографические материалы сдобрены фотографиями из Архива Ларисы Петровны. Две из них были сделаны в Москве, куда в 1975 году Лариса Катаева ездила как участница VI Всесоюзного совещания молодых писателей. Под одной фотографией подпись: "Участники Всесоюзного семинара - совещания критиков и литераторов. Абакан. 1987 год". Ещё одно фото, запечатлевшее Ларису Катаеву и небезывестных в Абакане Светлану Коновалову и Антония Сибарова, было сделано на открытии выставки Н.К. Рериха в 2004 году. А самую интересную фотографию поместили под "основными вехами творческого пути": малосенькая Лариса Петровна стоит на стульчике в платьишке, в веночке, подняв ручку. И подписано: "Лариса Катаева победитель конкурса народной пляски. Посёлок Качиры Павлодарской области (Казахстан). 8 апреля 1955 год". И грамота тут же рядом с фотографией напечатана.

Ну вот, если опустить пару небольших материалов, а то поди уж заскучал читатель над моим обзором, то в общем-то и всё. Неплохой журнал - "Абакан", хотя качество литературных произведений в нём всё-таки заставляет желать лучшего. Тем не менее, в журнале есть что почитать. Было бы замечательно, если бы, кроме приложения на диске, у "Абакана" появилось ещё одно - в виде книжного издания. Я слышала, что такая задумка у редакции есть. Напоследок я хочу пожелать редакторам "Абакана" удачи, равнодушных читателей, новых хороших произведений, новых интересных публицистических материалов.

Родилась я 25 апреля 1981 года в Хакасии, в поселке Черемушки. В 1998 поступила в ХГУ на специальность "Учитель биологии". В 2005 закончила институт. Работала менеджером по продаже офисной мебели "Феликс". Уволили, как сказали, "за творческий характер". В октябре 2005 устроилась дизайнером в абаканскую типографию "Журналист", а в ноябре 2007 в ООО «Рекламные технологии».

Первое более или менее серьезное стихотворение написала в 13 лет. В 1999 году попала в молодежное литобъединение "Багульник" (ныне "Литосфера"). Опубликовалась в сборнике объединения. Есть публикации в республиканских газетах: "Огни Саян", "Хакасия", "Пятница", "ДНК".

Стихи в основном пишу, когда не понимаю себя, когда плохо, когда не могу успокоиться. Помогает.

Любимые поэты: Игорь Северянин, Саха Черный, Владимир Маяковский, Анна Ахматова, Марина Цветаева.

Забросил кто то в небеса
Луны потертую монетку.
Она, как яблоко на ветке
Весит и зреет. Чудеса...

Улыбнуло слегка ресницы
Незнакомых усталых глаз...
Я онлайн. Сердце чье стучится
Робкой дробью коротких фраз?

Весь мир заснул.
Деревья спят.
Спит снег
на разномастных крышах.
И где то высоко,
чуть слышно
на небе звездочки сопят.

Утро вновь Армстронгом
будит
и таблеткой на столе...
Голова на круглом блюде...
Под подушкой валет...
С потолка свисает провод...
Все уловки снова зря,
пуст и этот серый город
Без тебя.

Ты рядом, значит все сбылось.
Смотрю и тишину вдыхаю.
И сердце сладко извелось.
Зима...
А я вот-вот растаю...

Небо вялое раздавит
Череп - полое яйцо.
И с размаху дура-память
Вдарит веткою в лицо.

Я - онлайн
Я живу в придуманном мире,
Я брожу в виртуальных
дворцах,
Я заложник в своей квартире,
Я завязла в стихах и снах.

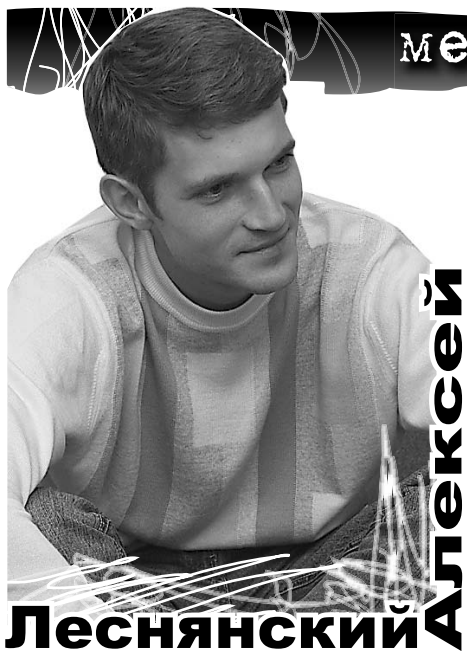
Метко, сволочь:
здесь бродили...
Тише: слышу шепот.
Стой.
Будто губы не остыли
Поцелуй укравши твой.

Я потерянный лист переписки,
Я обрывок чужой мечты,
Я лишь ник из чьего-то списка,
Просто слово из пустоты.

Будто кожа помнит кожу,
Будто я живу во сне,
Где мы близко, где похожи,
как две тени на стене...

И, паря в полуночных чатах,
Я ловлю тонкий свет других,
Будто каждый беспечно
спрятал
Свою душу в словах простых.

Даже света нет в окошке
на четвертом этаже.
И не жду, и понемножку
Превращаюсь в жесть.

Леснянский Алексей

1982 года рождения. Дипломант литературного конкурса "Ступени 3", участник 7 форума молодых писателей. Публиковался в местной прессе, журнале "Сибирские огни".

отрывок из романа "ДЕЖУРНЫЕ ПО СТРАНЕ"

Морозный воздух после душной Вовкиной комнаты освежил Молотобойцева. Он попрощался с друзьями и, пошатываясь, побрёл домой. По дороге он вспомнил о своём психически больном брате, который редко выходил за пределы своей комнаты:

— Опять эти мысли... Господи ты боже мой, опять они...

Молотобойцев стыдился идиота Ванюша. Вася любил своего неполноценного брата, но подсознательно чувствовал, что его любовь хуже ненависти. Он видел в Ванюше бесполезное существо, почти растение, и такое отношение к родному человеку мучило Васю. Он старался ни с кем не заговаривать о больном брате, словно хотел убедить себя и окружающих: «Его нет. Я его никогда, никогда не брошу, но его нет».

Меж тем Ванюша был, и не просто был, а даже, может быть, влиял на жизнь семьи и общества больше, нежели кто-либо другой. Редко кто понимает, что Спаситель являет себя Миру каждый день через сырых и убогих, и в этом заключается чудо. Его ждут на небе, одетым в парчовые одежды и окружённым святым воинством, а Он притаился в пропитанном мочой бомже, спрятался в складках яркой одежды презираемой всеми проститутки и плачет одинокой старушкой на церковной паперти. Тот, кто протянет руку нищему, калеке, падшей женщине, тот имеет полное право сказать: «Мне не нужны чудеса. Я вижу страдающего Христа каждый

способов стать чище и лучше человечество пока не знает. У Васи болела душа. Чем больше он старался стереть брата из памяти, тем ярче, отчётливей и несчастней виделся ему Ванюша. Погруженный в себя, Молотобойцев никого и ничего не замечал вокруг. На перекрёстке улиц Мира и Артельской Вася остановился.

— Налево пойдёшь — сифилис найдёшь, прямо пойдёшь — домой попадёшь и маму расстроишь, направо — поперхнулся Молотобойцев, потому как то, что он услышал, ликвидировало все его сомнения. — Направо пойдёшь — проблему найдёшь, но и совесть, даст Бог, успокоишь. За ларьком кричала девушка, и Вася побежал на звук её голоса.

Три подонка сорвали с девочки шубу, повалили на землю и пытались наяву проделать с девушкой то, что в мыслях проделывают три четверти мужчин со всякой мало-мальски симпатичной женщиной, при этом считая себя образцами добропорядочности. Молотобойцев был сыном своего времени, поэтому ничему не удивился. Страх Вася тоже не испытывал, так как его детство прошло на улице, где слабаков высмеивали и презирали. Не однажды побывав кровавым густком, Молотобойцев со временем научился драться и игнорировать боль. Его называли хабрецом, и он соглашался с таким определением, но в глубине души чувствовал, что его отвага

происходит от привычки и опыта: привычки к физическому страданию и опыта накопленных боёв в одиночных и массовых стычках. Слившись с придорожным тополом, Вася решил на какое-то время остаться незамеченным. Что-то удерживало его от немедленного вмешательства, и он тупо наблюдал за попыткой изнасилования. Он даже не сомневался в том, что в его присутствии надругательства над женщиной не может быть по определению. Молотобойцев спокойно отметил про себя, что на таком лютом морозе у подонков вряд ли что получится. «Сидела бы дома, дурёха. Шарьись по ночам... Странно, что ты перестала звать на помощь. Не жертва, а разъярённая тигрица какая-то», — подумал Вася.

— Ладно, ладно, кобеля не насытные. Всех обслужу, только шубу не забирайте... В очередь, — вдруг скомандовала девушка.

Вася передёрнуло. Он сначала не поверил своим ушам, но через несколько секунд вынужден был поверить глазам. Борьба за обладание телом прекратилась. Девушка поднялась с земли, отряхнулась от снега, надела шубу, прислонилась к ларьку и приказала:

— Рыженый, начнём с тебя. Только быстро.

Вася вышел из-за тополя:

— Доброй ночи, дамы и господа! Вижу, у вас тут очередь. Кто последний?.. Рыжий, тебе придётся пропустить меня вперёд, потому что инвалиды духа обслуживаются вне очереди. — Вася мельком взглянул на девушку, сплюнул и тут же отвернулся от неё. — Ничего, с пивом потянешь. Распрягайся, милая. Сейчас я тебя жёстко наказывать буду за то, что ты меня своим поведением со второй группы инвалидности на первую перевела. Я аж отрезвел, ребятки! — Молотобойцев рассмеялся. — Надо же так. Одни — сволочи, другая — хуже, чем шалава, да и я, выходит, — не герой, ни хрена не рыцарь. Как жить-то теперь?

— Ты откель взялся, инвалид? — спросил высокий парень с изрытым оспой лицом.

— Отсель, гребень, — рубанул Вася. — Ты вообще судь-

бой обделённый — понял? Фишка даже не в том, что твоя харя напоминает поле битвы; с лица воду не пьют, не в этом дело. Практически у всех на плече имеется прививка. Как ты думаешь, что она означает? Не напрягайся, сам отвечу. Означает она то, что хотя бы в какой-то период детства мы были кому-то нужны: маме, папе, бабушке, воспитателю детского дома или хотя бы врачу в роддоме. — Насильники опешили. — А ты вот никому не был нужен. Прививка от оспы есть у самого последнего бомжа, попрощайки с вокзала, последней проститутки с панели. Через прививку в плечо кто-то заботился о нашем лице на всю жизнь, а ты его потерял. Знаешь, что такое уже в детстве потерять лицо? Хочешь, я расскажу всю твою биографию от начала до этой минуты, закономерная дрянь.

Последнее слово Вася выплеснул в воздух вместе с кровью уже из горизонтального положения. Сжавшись до предела, Молотобойцев прикрыл голову руками и терпеливо ждал, когда выдохнутся противники, чтобы в подходящий момент начать контратаку. Он по опыту знал, что минуты через две его враги потеряют бдительность, и это станет началом их конца. Вася умел и любил драться, его боевой нижний брейк с каскадом ударов и подсечек был бесподобен. Он решил, что начнёт с Рыжего, который, конечно, не успеет даже вскрикнуть после падения на землю, как к нему присоединятся два его товарища.

— Поехали, — произнёс Молотобойцев знаменитую фразу Гагарина, и его ноги быстро описали окружность.

Рыжий как подкошенный рухнул на Васю.

— Сука... Спина... Задыхаюсь, — где-то в сторонке прохрипел парень с изрытой оспой лицом.

— Этот гад мне руку сломал, руку сломал, сломал руку, — перекатываясь по земле, причитал третий насильник.

— «Два-один» в пользу меня, — подытожил Молотобойцев. — Делай отсюда ноги, девка! — Рыжий молотил Васю кулаками. — Веселей, гнида! Убей меня! Невыносима такая жизнь!

Грустно, уважаемый читатель, когда человеку не удается выразить свои мысли и чувства. Ну не дружит человек с русским языком! Да вдобавок еще осложняет себе задачу, прибегая к стихотворной форме. В результате чего рождаются такие перлы, что... Да чего там! Грустно. И дабы не портить вам настроение своею грустью, мы поступим по принципу, описанному когда-то Сергеем Есениным: «...при тяжелых утрах, и когда тебе грустно, / Казаться улыбчивым и простым – / Самое высшее в мире искусство!». Итак, представляем Вам нашу новую рубрику, ее материалы продемонстрируют, как коварен может быть русский язык, и как далеко порою отстоит то, что хочет сказать автор от того, что получает в итоге читатель.

Редколлегия "Провинциала"

INTRO

Я Вас глумил... глумеж еще, быть может, в душе моей угасши не совсем...

I.

*Меня убила злая красота,
Что насмехалась надо мною,
но любила.*

*Продажных чувств тех
странных высота*

*Непостижима мне,
и ярость все сгубила.*

*Я был убит той злою красотой –
В ней заключается неведомая сила.*

*Я был убит той пламенной мечтой...
Но душу-то мою ты так и не убила!*

Автору этого вирша хоть какой захудалый словарик бы почитать, вот, наверное, удивится, увидев, сколько есть на свете разных слов. Впрочем, возможно, ему не везло с читателем... Твердолобый такой читатель все попадался, забывчивый, настолько что ему в каждой второй строке приходится напоминать, что же произошло с лирическим героем. С другой стороны, дочитав стихотворение до конца, все-таки не беремся решить, убила она его таки, или таки нет. Вот уж действительно, не всякую силу силой осилишь.

2.

*У меня есть город, и я в нем живу.
У меня есть воздух, и я им дышу.
У меня есть песня, я ее пою.*

А вот это можно продолжать до бесконечности. Ну, например:

*У меня есть яблоко, я его жую,
У меня слюна есть, я ее плюю...*

Только вот зачем продолжать? А, наверное, чтобы, опять же, не забыть, чего есть, чего нет. Да, память у людей никудышная.

3.

*Листозвон осенний под ногами,
Наконец совсем уже прилег.*

Похоже, разборки с листозвонком дело зело муторное, иначе как ногами не добьешь его гада!

4.

*Как девушка она всегда хохочет
И не дает мне счастья в жизни.*

Какой ужасный мир рисует нам автор! Так и видишь себя окруженным толпами жаждущих добраться до твоего счастья, непрерывно, вечно(!) хохочущих деву-

шек. Бр-р! Бесплатный совет автору: вы девушкам при луне на скамеечке такие вот перлы не читайте, глядишь, они и хотать перестанут.

5.

*Мертвое дыханье затая,
Шелестишь, как ветер, волосами.*

Хм. Без комментариев.

6.

*Он смерти раб слепой и злобный.
А смерти безгранична власть.*

*Летит патрон слепой, голодный
И может хоть в кого попасть.*

Патрон-то? Ну, разве что из рогатки им стрелять... Анекдот в тему: Что делать, если блондинка бросила в тебя гранату? Сорви чеку и брось обратно. В общем, товарищ поэт, бросай стихи, и шагом марш в армию за жизненным материалом.

7.

*Торопимся познать мы то,
Что до поры нам не дано.
Не зная, польза будет или вред,
Мы рушим возраста обет.*

*Пустое нам бы бросить дело,
Но мы считаем это смелым,
И мало думаем о том,
К чему все это приведет потом.*

*Считать себя пораньше тем,
Кем и не будем, может стать,
Желаем мы. А вдруг совсем
В другом все будет проявляться?*

Ну просто чувствуешь себя ежиком из известного мультика. «Лошадка-а-а!» Кто-нибудь, объясните, что пытается сказать автор? Может очень-очень секретное что? Может, это какая-то зверская цензура стояла за его плечом и заставляла его менять на местоимения и неясные туманности все (подчеркиваем, ВСЕ без исключения) значимые слова?

8.

*Но нет тебя, и я среди ночи
Мечты свои гоню к тебе...*

Ну, зачем же уж так жестоко-то, может они к другому кому хотят, или вообще не хотят никуда – ночь на дворе.

9.

*Мы друг на друга смотрим тупо,
Не в силах ничего понять,*

*Все кажется смешным и глупым,
Но кое-что с души не снять.*

«Кое-что» обычно на работу кладут или на проблему какую... А тут уж... на душу умудрились. Кто это вам так... что и не снять? Возможно, в силу этой оказии у лирического героя проблемы с умом, он откровенно и без ложной скромности отказывает себе в нем. Да еще и рифма «тупо-глупым». Как это удвоение усиливает впечатление тупости! Какой шикарный прием!

10.

*Представьте, в цеху для забоя скота,
Где лужи пенящейся крови,
С ножом заостренным, как меч, добела,
Стоит она рядом со мною.*

*Из-под черных ресниц, из задумчивых глаз
Светилось души отражение.
Красивые волосы, внешность в тот час –
Во мне защемило дыханье.*

А это просто гимн поклонников садомазо. Какие краски! Какой экстрим! Так и хочется чего-нибудь себе защемиить! Сколько символов сладостной боли только в одной строке «С ножом заостренным, как меч до бела». Мало того, что нож, мало того, что он как меч, мало того, что меч очень острый, но он еще и раскален как лезвие бритвы, то есть, просим прощения, заострен добела!

11.

*Порядок, инструкции –
нет здесь причин
Чернить непотерянной чести.
И если порядочный ты гражданин,
То значит стоишь ты на месте.*

А вот вам головоломка, уважаемый читатель. Ну-ка, разберитесь-ка на досуге, когда есть причины чернить непотерянную честь, и почему в порядке и инструкциях этих причин нет, и, заодно, подсчитайте, много ли вы встречали на своем веку порядочных граждан, если исходить из условий предложенной задачи.

12.

*Не помню сейчас из какого окна
Матери руки с любовью тянули:
«На, посмотри, какая она,
Красивая дочь наша милая!»*

А это гарем забывчивого падишаха-неудачника в роддоме.

13.

*Как страшно: некого любить,
Как будто зяблики вернулись...*

Ужасная зверюга – зяблик... Хуже лангольеров. Во время своего кочевья он истребляет на корню всех, кого мог бы полюбить наш лирический герой...

Вниманию скептиков: строчки, приводимые в данном материале, нами отнюдь не выдуманы, а взяты из реальных опубликованных на страницах абаканских печатных изданий стихов.

OUTRO

Я Вас глумил, так искренне, так нежно, как дай Вам Бог глумимым быть другим....

ПРАВДА-МАТКА
ОТ ЧИТАТЕЛЕЙ

Прочитал второй номер местной литературной газеты или журнала «Провинциал», не знаю, как правильнее называть. Извините, господа, но это просто пи***ц. Я теперь вижу, о чём писал Сергей Минаев, когда разосил в щепки всех этих олд-скульных «литературных мастеров». Минаев, названный в этом же журнале «однодневкой» неэбическим местно-неместным писакой, победителем множества конкурсов, бла-бла-бла, Сергеем Чередниченко. Они, как я и ожидал, везде, и у нас тоже. Такие же страшно далёкие от жизни, натянутые, надуманные, по-гейски истеричные и ужасно самовлюблённые. Причём, я не столько об авторах, которых, если честно, ни в первом номере нет хороших, ни во втором, сколько о критиках, разбирающих в этом же «Провинциале» стихи и рассказы, и о главреде, зафигачившем своё произведение на две полосы из восьми.

Самое смешное, у меня нет сомнений, что во «взрослой» местной литературе дела обстоят так же.

Вёрстка и дизайн чуть улучшились, кажется. По крайней мере, помню, что в прошлый раз особенно напрягали, в этот раз, вроде, не особо.

Михаил Верхотуров (Фостер)

Газета «Провинциал» позиционируется как издание для молодых авторов, но в ней я не увидела главного, для того, чтобы соответствовать заявленной цели – качественного, всестороннего анализа опубликованных произведений. Конечно, неплохо, что у начинающих авторов есть возможность разместиться в периодическом издании. Однако, в данном случае это не более чем повод похвастаться перед друзьями, но не почва для творческого роста. Ярким примером может служить подборка Марии Гюнтер во втором номере и рецензия к ней. Абсолютно бездарные стихи. Такое чувство, что автор не знает, зачем пишет, для кого, и самое главное – о чем. Рецензентом это «творчество» (в силу ли природной тактичности или по другой причине) было оценено как в целом удачная попытка заявить о себе. Несколько легких шлепков по поводу бедности образов и рифм положение, по-моему, не исправили, а усугубили.

Впрочем, хорошие стихи в газете тоже нашлись, это подборка Дмитрия Шабанова. Очень понравилась мне его мелодика. Только он иногда сам путается во множестве образов. Они хорошие, но в одну корзину столько напихано, что теряются его образы, затирая друг друга. Порадовала и серьезная проза из рубрики «Между прозой и жизнью».

Зарисовка со светофором на первой полосе – хорошая находка, отличная попытка «развернуть» мышление молодых авторов, заставить их искать новые формы и образы.

С интересом прочла статью Сергея Чередниченко, хочется, чтобы таких размышлений о литературе в газете стало больше.

Радует, что в газете есть книжный обзор, опять же жаль, что совершенно примитивный, – это понравилось, это – нет. Не похоже ни на литературный анализ, ни на отзыв читателя.

Остается пожелать газете, а также молодым авторам, которые в ней публикуются, качественного роста.

Екатерина Вершинина

Воспоминания о Мариенгофе

Ты приходил в прокуренный кабак
и начинал курить, чтобы добавить
Побольше смрада в этот рай бродяг
И чтобы память о себе оставить.

Но, допивая пятую бутылку,
Шептал: «Я мог бы, мог бы, мог!
Но я не стал!» И боль рвалась
в затылке.

И, поднимая ворот у пальто,
Дрожа от холода ль, от страха ли,
от страсти,

А век серебряный уже тебя забыл,
Ведь все места забыты в этом веке.
И кто-то белокурый рядом пил
И говорил о черном человеке.

Ты брал портвейн и пил его за то,
Что отдалился от советской власти.
Ты был циничен как вчерашний бог

Дана Галиева

Читательский Клуб

Интересная книга, настоящего читателя она объемом не напугает. Тем более в чтение втягиваешься сразу, прочитаешь пару-тройку страниц, а потом отрываться не хочется. И дело не в необычности интриги (в центре текста становление крепкой советской семьи 30-х-40-ых гг.); и похоже автор сознательно избегает тривиального развития неожиданных поворотов в сюжете, хотя возможностей много, много ходовых УПУЩЕННЫХ сериальных поворотов: ребенок из чужой семьи, попытка изнасилования, близнецы-«развратники», болезнь Альцгеймера, настигшая главную героиню; маньяк-убийца, подрезающий длинноволосых парней, нелепая смерть в больнице с ребенком в утробе на 9-ом месяце из-за ошибочного диагноза и, наконец, отличная возможность успокоить читателя «богатым» хэппи-эндом – наследство из Буэнос-Айреса), не в оригинальности слога (слог сбивчив, неравномерен, но неравномерность эта, как ни странно, скорее плюс, чем минус, ибо делает сам текст активным участником сюжетного ряда, а не пассивным носителем информации), не в причудливости главных персонажей (он – врач-гинеколог, она – его случайная пациентка с маленькой дочкой, но читателю все они необычно-обычные будут интересны, ибо все они личности со своим плохим и хорошим в себе... да, кстати, прекрасно, что автор не берет на себя роль судьи, указующего читателю, где добро, а где зло; так что подготовьтесь прочесть и оценить, но не забудьте, чистого добра и чистого зла нет в природе), я рискну предположить, что все дело в истории страны того периода. Отлично представленной на примере истории одной семьи. Влияние большого и вроде бы отвлеченного от нашей жизни, т.к. мы вовлечены в него, а не оно в нас. Одним словом, текст отлично отражает заявленный исторический период, и текст интересен, потому что история любви, история бо-

лезни, история разрушения семьи, история взросления детей, история смерти – все это главная составляющая той большой истории, именно история в нас, а не мы в ней. Запуталась я, дорогой будущий читатель, но надеюсь, не запутала тебя, а если запутала, то тебе захочется самому во всем разобраться, не смотря на недавнюю экранизацию романа от Юрия Грымова.

Особо хочется отметить героичного, выдвинувшего теорию о целенаправленном вырождении русской нации, теорию троичника-середняка, постепенно идущего в массы на просторах земли русской, что и доказано текстом на примере семьи Кукоцкого. Читая этот роман, Вы не найдете ничего лишнего, все бытовые зарисовки психологичны, текст наполнен исключительно художественными деталями. Правда, в середине романа придется напрячься, а возможно даже взять в руки словарь символов, чтобы попытаться дешифровать душевный и временной мир героини Елены страдающей болезнью Альцгеймера, но не выбывшей из жизни... Желаю удачи!

Книгу читала
Татьяна Бутылова

